

М. И. БОГДАНОВИЧ

История царствования императора Александра I и России в его время

Сочинение автора Истории отечественной войны 1812 года

<Фрагмент>

Наполеон, в два часа пополудни, въехав на Поклонную гору и будучи поражен величественным зрелищем древней столицы русского царства, не мог скрыть своего нетерпения. «*La voilà donc enfin cette fameuse ville! Il était temps!*» (Так вот наконец этот знаменитый город! Да и пора уже!). За тем, соскочив с коня, он долго рассматривал в зрительную трубку как самую столицу, так и окрестности, расспрашивал о положении важнейших пунктов хорошо знавшего Москву Лелорня (Lelorgne) и наконец пушечным выстрелом подал сигнал войскам двинуться к городу. Мюрат устремился к Драгомиловской заставе, Понятовский к Калужской, Вице-король к Тверской. Как бурные волны, хлынули вперед тысячи воинов с восклицаниями: *Vive l'Empereur!* Кавалерия скакала во весь опор; пехота пустилась бегом. Топот лошадей, звук оружия, говор солдат, смешались в ужасный гул. Свет померк от поднявшейся столбом пыли, и в несколько минут Наполеон с головными колоннами своей армии уже был у Драгомиловской заставы. Там ожидал он найти депутацию с мольбою о пощаде города, но, вместо того, получил от высланных вперед офицеров донесение об оставлении Москвы ее жителями. «*Moscou déserte! Quel évènement invraisemblable. Il faut y pénétrer. Allez et amenez moi boyards*» (Москва опустела! Это невероятно. Надобно удостовериться в том. Ступайте туда и приведите мне бояр), — сказал он графу Дарю, отправляя его в город.

Но как бояр не нашлось, то, вместо их, собрали несколько иностранцев, которые подтвердили весть об оставлении Москвы почти всеми ее жителями. Наполеон, не удостоив их ни одним словом, въехал в Драгомиловское предместье и расположился там со всею свитою, в нескольких домах. Мортье был назначен генерал-губернатором, а генерал Дюронель комендантом столицы; Лессепсу, бывшему французскому

консулу в Петербурге, поручено исполнять должность интенданта московской провинции. Тогда же предписано Мюрату, с кавалерией Себастиани и Латур-Мобура, преследовать неотступно русскую армию, а маршалу Мортье, с Молодою гвардией, занять Кремль. Прочие французские войска расположились вне города.

Наполеон, переночевав в Драгомиловском предместье, перенес свою главную квартиру, утром 3 (15) сентября, в Кремль, где занял для себя покои дворца, обращенные к реке Москве. С самого вступления французов в город начались пожары; приказано было тушить их, но огонь, погашенный в одном месте, появлялся в другом; несколько человек, пойманных с горючими веществами, показали, что им это было приказано от полиции. Впоследствии некоторые из них, уличенные в зажигательстве, по приговору французской военно-судной комиссии, были расстреляны. В ночи с 3-го (15-го) на 4-е (16-е) огонь, гонимый сильным ветром, подобно бурному потоку, обхватил большую часть города, и на следующий день достиг Кремля. Загорелись конюшни близ дворца, запылала арсенальная башня. Несколько головней, унесенных вихрем, упали на двор, где тогда стояло более четырехсот зарядных ящиков. Судьба Наполеона зависела от одной искры, но он как будто бы не верил, чтобы для него лично могла существовать опасность. С большим лишь трудом уговорили его переехать в Петровский дворец, окруженный биваками 4-го пехотного корпуса. В продолжение двух суток, пожар свирепствовал во всей силе, а грабеж довершил бедствия жителей, лишенных крова, едва одетых и обутых, искавших по огородам скудной пищи. Иностранцы, приведенные в нищету, собирались к Петровскому дворцу просить о помощи; русские уходили из города, подвергаясь подозрению в шпионстве. 6-го (18-го) сентября, когда большая часть Москвы представляла взору дымящиеся развалины и обгорелые остовы каменных строений, и когда огонь стал утихать от недостатка для себя пищи и проливного дождя, Наполеон, узнав, что Кремль остался в целости, возвратился туда. На пути в Москву, между рядами биваков, он видел странную смесь роскоши с крайнею нуждою. У костров, сложенных из дорогой мебели, изорванных книг и картин, исколотых в щепы икон, варилась в котлах конина; под голым небом валялись головы сахара, мешки с кофеем, а хлеба не было. Наполеон, встречая на каждом шагу следы грабежа и вандализма и желая сохранить остававшиеся в городе запасы, запретил отпускать в Москву солдат, кроме команд наряжаемых за добычею (*à la maraude*), снабженных свидетельствами от своих начальников. Эта мера несколько уменьшила бродяжничество и насилия, но не принесла большой пользы войскам, потому что высылаемые от них команды, не имея определенных районов для фуражировок каждой части, шатались по всему городу и истребляли запасы, которые могли бы впоследствии послужить в пользу армии; по-прежнему, на биваках

встречались бок-о-бок изобилие с голодом, и весьма часто фуражиры, возвращаясь из Москвы с тяжелою ношею дорогих вин, не привозили ни мяса, ни хлеба. В особенности же был чувствителен недостаток в фураже, от которого, в продолжение пятинедельной стоянки, кавалерия и артиллерия пришли в крайнее изнурение.

Сожжение Москвы было нами приписано в 1812 году французам, которые, с своей стороны, уверяли, будто бы граф Растопчин сжег Москву по приказанию русского правительства. В настоящее время, не подлежит сомнению, что московский пожар не был исключительно делом Растопчина, хотя он не один раз говорил и писал, что если нельзя отстоять столицу, то надлежало, следуя русскому правилу — *не доставайся злодею*, — обратить ее в пепел. И если Растопчин не исполнил своего намерения или исполнил его только отчасти, то единственно по недостатку времени. По крайней мере, он сделал все, что только зависело от него для достижения своей цели: приказал увезти пожарные инструменты; поручил полицейским служителям, оставленным в городе, зажечь его; послал одного из следственных приставов с командою на винный и мытный дворы, в комиссариат и на барки, приказав, по вступлении неприятеля в Москву, жечь казенные и частные запасы. Беспорядок, господствовавший в городе, был причиною новых пожаров: и свои и чужие, грабили и поджигали дома, ходили по чердакам и подвалам со свечами, факелами, зажженною лучиною, раскладывали на дворах большие костры для варения пищи. Случалось и то, что москвичи с умыслом жгли свои дома. Но из этого еще не следует, чтобы пожар Москвы был преднамеренным подвигом ее жителей. Столь же нелепо приписывать его исключительно Наполеону и французам. Напротив того, Наполеон приказывал тушить огонь и перестал заботиться о том только тогда, когда все его усилия оказались напрасны. В эпоху нашествия французов, русские, видя гибель мирных граждан, поругание своих жен и дочерей, грабеж и осквернение Божиих храмов, обвиняли неприятелей в разрушении священной для нас первопрестольной столицы. Вся Россия, движимая местью, ополчилась как один человек. Война сделалась народною. Неприятель полагал, что потеря Москвы поселит в русских страх, уныние, склонность к миру, и вместо того встретил твердость духа и готовность ко всевозможным жертвам. Потеряв Москву, мы уже не опасались никакой потери; для нас только теперь начиналась война!

